ЦАРИЦА ЛЕВКОЙ.

Левкой благоухала нѣжно
Надъ скромнымъ стебелькомъ
И улыбалась безмятежно
Дыханью усталыхъ розъ.

И все, что вокругъ нея дышало
Вѣчнымъ сладкимъ сномъ,
Левкой согласною вѣнчало
Благоуханную Левкой.

И чуть не ты, о роза моя,
Тогда царицею была,
Когда, заливаясь пылая,
Съ востока поднималась мгла.

Пускай пылающіе бои
Затмятъ высокую лазурь,
Но въ безмятежности Левкои
Побѣда надъ безумствомъ бурь.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Современные нѣмцы.

1.

Въ пребываньи въ Швейцаріи есть одно преимущество: теперь-ньки такъ черезъ границу летятъ извѣстія изъ четырехъ угловъ враждующихъ странъ; и непрерывная смѣна мнѣній горячихъ, пристрастныхъ; противорѣчія фактовъ пересѣкаютъ другъ друга; и—разлетѣлись въ махровые спектры «достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній»; ежедневные мыльные пузыри раздуваются утромъ, чтобы лопнуть... подъ вечеръ; перелетаютъ границы Италіи, Франціи, Австріи и Германіи; одновременно спиваются пивомъ; и—таютъ.

Тонъ швейцарской печати—подчеркнуто—сдержанный.

Всѣ послѣднія свѣдѣнія представляютъ перетъ взоръ впервые въ какомъ-то разорванномъ видѣ; и значительно позже уже—медленно осаждаются факты; и приглядаете вы: въ медленной кристаллизаціи фактовъ изъ сѣны свѣдѣній; привыкаете къ ретроспективному взгляду на вещи; предыдущіе опыты прячутся къ терпѣнью; сдержанность вырастаетъ въ васъ; сопровождаетъ васъ, крѣпнетъ въ васъ; и отстраняетъ всѣ мнѣнія о фактахъ: глядишь полно въ факты: научаешься миновать фактовъ и чтенію связь строкъ; многіе публицисты теперь интересны не тѣмъ, что они говорятъ: интересны тѣмъ, что въ словѣ обходятъ молчаніемъ.

Пыкъ многіе выпады словъ производятъ здѣсь впечатлѣніе пошлой кавалерійской атаки; противорѣчія свѣдѣній, какъ враги, обнаружившіе пики, летятъ другъ на друга, кричатъ другъ на друга и угрожаютъ другъ другу; то въ отставкѣ сабель и мечтиковъ, знаемъ мы, силы нѣтъ; сила, знаемъ мы, въ вырываньи трашней; сила, знаемъ мы, въ сознаньи, въ организаціи тыла; устремленные взоры бѣгутъ туда; устремленные взоры пренебрегаютъ черезъ голову свѣдѣній «изучаютъ другъ друга».

Интересна работа сознанія надъ матеріалами фактовъ и фронта, и тыла: такимъ тыломъ является самая психика и моральный бытъ враждующихъ странъ; изученіе культуры противника до послѣдняго времени еще было абстрактно; представленіе наше о различіяхъ національныхъ сознаній войной перевернуто: и граница исчезла отнынѣ между востокомъ и западомъ; западъ вдвинулся нынѣ въ востокъ, востокъ—въ западъ. Приходится перестраивать хозяйства представленія о культурахъ народовъ; приходится за-новъ, на-скоро пополнять рядъ пробѣловъ, и отдаться спокойному изученію тыла не въ условіяхъ кабинетной работы, а въ просѣ пушекъ и въ трескѣ шрапнелей.

Нѣмцы понятъ это.

Съ пленительностью практичныхъ людей изучаютъ они нашу жизнь, быть, особенности сознанія, литературу, моральныя задачи наши; интересъ обусловленъ, конечно, моментомъ, и, конечно,—сознаніемъ невѣрнаго пониманія насъ до войны, сознаніемъ совершенной ошибки: пренебреженіемъ къ нашей жизни; изученіе переходитъ въ спортъ, а спортъ, какъ ни странно сказать, въ... увлеченіе.

Настоящее военное время рождаетъ курьёзъ за курьёзомъ, иные изъ нихъ характерны до крайности.

Возрастаетъ стремленіе къ изученію русской литературы: о Достоевскомъ, Толстомъ я не стану уже говорить; тотъ считаетъ себя поклонникомъ Гончарова, тотъ цитируетъ Мережковскаго; по статьямъ послѣдняго говорятъ о явленіяхъ русской жизни; и книга Вольнскаго—«Книга великаго гнѣва»—находитъ читателя. Появилось сознаніе малаго знакомства съ Россіей, появилось сознаніе примитивности прежде принятыхъ мнѣній о русскихъ; удивляютъ русскіе сѣнные, удивляетъ ихъ способность на все, удивляютъ ихъ разныя издѣлія, представленія о «варварѣ» навсегда поколебано.

Литературу русскую переводятъ—теперь въ дни войны, собираются переводить еще болѣе; отмѣчаетъ юморъ Гоголевской «Женитьбы»; и эта пьеса съ успѣхомъ проходитъ въ Берлинѣ; вторымъ томомъ выпущенъ Соловьевъ; и «Три разговора» находятъ поклонниковъ. Переводится Салтыковъ-Щедринъ «Господа Головлевы»; переведенъ «Грядущій Хамъ» Мережковскаго; собираются переводить Сологуба и Ремизова. Представитель книжной фирмы въ Голландіи, опираясь на повышенный интересъ нѣмцевъ къ русскимъ, говорилъ со мною о русской литературѣ, какъ будущей модѣ въ Германіи и Голландіи; и въ журнальныхъ статьяхъ учащаются русскіе имена представителей литературы, науки, политики; появилась сочувственная статья о покойномъ М. М. Ковалевскомъ; появилась выдержка въ «Zukunft» изъ статьи-предисловія эстонцы Гардена къ одной книгѣ она озаглавлена: «Тѣмъ обязаны мы русской литературѣ»; въ «Literarische Echo» пишутъ о русскомъ народѣ и печатаютъ разборъ истекшаго литературнаго года въ Россіи: разбирается Л. Андреевъ и Горькій; отмѣчается расхожденіе прежнихъ взглядовъ В. Брюсова съ одушевляющимъ его нынѣ; разбираются чрезвычайно освѣдомленно представители многообразныхъ теченій русской поэзіи; появляются: Городецкій, Блокъ, Гумилевъ, Кузмиръ, Сѣверянинъ, даже крайніе футуристы: отмѣчается реферать г. Вл. Эпа «Отъ Канта къ Кругу»; и сочувственно приводятся возраженія русской прессы.

Этотъ тонъ отсутствовалъ до войны: это все—показательно.

2.

Въ мнѣніяхъ нѣмцевъ—досадныя аберраціи: война-де вызвана тѣмъ отношеньемъ (?) теченіемъ, представителяи коего—Данилевскій, Аксаковъ, Хомяковъ, Ораховъ и проч...—[illegible] нѣмцы-де за рѣшеніи общества продолжать войну до конца; въ одной интересной статьѣ Хомяковъ назвалъ тонкой и нѣжной душою съ пиратной душой; а статьи Мережковскаго «Святая Софія» придаютъ иныя чисто завоевательныя сказки; идея освобожденія славянъ-де, оказывается спекуляціи на идеальномъ порывѣ народа.

Слова Тютчева о Россіи:—

„Не поймешь и не оцѣнишь
„Гордый взоръ иноплеменный,
„Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
„Въ красотѣ твоей смиренной—

эти слова по своему нынѣ осознаны нѣмцами; нерідъ ними—шарада, и культуртрегеры разрѣшаютъ ее; разрѣшенію этой шарады придаютъ они большой смыслъ; это—шагъ къ изученію тыла; русскій тылъ—малопонятенъ для нихъ.

А ихъ тылъ намъ понятенъ ли? До конца ли изученъ онъ нами?

Думаю я, что—нѣтъ.

Позже первоначальныя войны: подъ, разгуливаясь по Бельгіи; зачастъ въ Швейцаріи встрѣчаемый нѣмецъ, какъ на пасхѣ; тотъ—почаще аза, эдотъ. въ Швейцаріи встрѣчаемый нѣмецъ, съ добродушнымъ пропускаетъ оказываться мирнѣйшимъ зашитаемъ, и знакомая фигура его передо мной выростала поэзіею. Думаетъ я: «Эти лица—въ котеляхъ, въ панамахъ, въ зеленоватыхъ пальтахъ съ воспитанной тактичной сдержанностью, съ приятнѣйшими, или съ очень примѣтными, съ злыми, съ добрыми, съ одолжающими, съ неблагодушными то съ мудрыми, а то съ грубоватыми чертовками—думаетъ я—эти всѣ конвертсанты, студенты, рантье, комерсанты, ларечники стоятъ, топчутъ, шатаются, приглядываютъ шляпы и говорятъ: «Danke schön», а тамъ, у себя, заграницей,—тамъ строились въ отрядъ, всѣ сны подросшіе на соборы, на галлереи, музеи, на женщинъ...

И не знаешь: подлинно «нѣмецъ» ли въ Швейцаріи встрѣчаемый нѣмецъ?

И вступая порасъ въ разговоръ съ обычной привычной фигурой, я старался всегда дать понять, что вотъ какъ же могъ: соборы, подводныя лодки, насилья...

Я натыкался на кирасъ: на иное сознаніе; въ первые-жъ дни войны оно стремительно выросло; и—скрѣпно; о нѣмъ разбивается все; оно—твердо камня.

Ихъ до вызвали воевать: не хотѣли войны они; организованный заговоръ тутъ связался во весь; ихъ жалобности—измышленіе прессы; въ обсерваторіяхъ пушки превращались соборы. — а грузовыя суда превращались въ военные корабли; нынѣ же до сознанія быть ихъ въ опасности: они защищаютъ свободу мирного своего быта и традиціи великаго культурнаго прошлаго: философію, искусство, науку; ихъ „военный маршъ—рѣчи Фихте о нѣмецкомъ народѣ; а солдаты шли, отправляясь воевать, забирали съ собой они сами и любимыхъ [illegible] Гете, Бетховенъ, Фауста, непоколебимое убѣжденіе, что все сказанное [illegible]—[illegible] правильность, проникаетъ ихъ чувствующее существо; а пониманіе о фактахъ [illegible] нѣмецкой женщины называетъ даже не гнѣвъ, а... ледяное презрѣніе: Гансъ и Фритцъ на войнѣ же вѣдь; а Гансъ и Фритцъ (сынъ и мужъ)—образцы благородства, доброты и гуманности, и сообщеніе о фактахъ насилія нѣмецкъ она называетъ, какъ личное оскорбленіе ея Фрица: «Ну, да, — такъ «Portugal»; «Portugal» же—отличаютъ.

Такъ отвѣтитъ она; обыкновенный отвѣтъ ея на всѣ факты печати: «И какъ этому вѣрятъ?». И слова русскихъ женщинъ, обращенныя къ ней, я съ улыбкой читалъ: слова—благородныя; негодованіе — законное; но нѣмецкая женщина этихъ словъ не услышитъ. На вопросъ—Гансъ и Фритцъ, вся нѣмецкая армія это—Гансы и Фритцы.

3.

Въ Германіи, разумѣется, факты насилія нѣмцевъ умолчены прессой, этихъ фактовъ не знаетъ ихъ тылъ, потому что цензура господствуетъ, и на этой почвѣ и иное сознаніе, укореняясь, ставитъ и сталкиваетъ Вильгельма съ рабочимъ и Гекзеля съ лавочникомъ, коллективное переживаніе грамотныхъ моментовъ глотаетъ все личное. Вырастаетъ единое, стадное сознаніе нѣмца, и съ сознаніемъ нашимъ несоизмѣримо оно, и съ невинной улыбкою, сожалѣя жертвы войны, вамъ способенъ высказать нѣмецъ: «Оттого то мы и навалились на Бельгію, что войну мы хотѣли въ три-два мѣсяца прекратить». Эта психика есть предметъ всесторонняго описанія, и она не описана, современный нѣмецъ конкретно все еще не стоитъ передъ нами, самосознаніе современнаго нѣмца заслоняетъ намъ наша [illegible] нѣмца, она—абстрактна до крайности, въ нашемъ званіи нѣмца поотстали нарядно мы, мы и хвалимъ его, и сравнимъ за полуреальныя его свойства, схема нѣмца стоитъ передъ нами—не нѣмецъ, схема эта намъ нѣмца болетъ, на сантиментальнаго романтика прошлаго и на современнаго матеріалиста: первый исходитъ въ утопіяхъ, а второй—съ нами воюетъ.

Не изучали мы конкретнаго нѣмца. это онъ съ нами борется, разрушаетъ соборы, и это онъ—философствуетъ, философствуетъ, въ дни войны, и читаетъ въ траншеяхъ: Заратустру, Библію, Фауста, мобилизуетъ промышленность—онъ, ставитъ Гоголевскую «Женитьбу» и понимаетъ Шекспира, удушаетъ коварно насъ газами, и восторженно присягаетъ завѣтамъ... Навалися: теперь, онъ, въ эти дни!

Всѣми этими чертоками должно выразиться современнаго нѣмца; въ противорѣчіяхъ раскрывается онъ передъ нами; единство, [illegible], отсутствуетъ въ немъ, возстановимъ въ сознаніи нашемъ; здѣсь, въ сознаніи нашемъ, современный нѣмецъ живетъ въ многообразіи образовъ; [illegible] отъ; отъ же нѣмецъ до крайности и представляетъ собою единство въ многообразіи: въ самосознаніи нашемъ его единство отсутствуетъ; не понимаетъ мы все еще современнаго конкретнаго нѣмца; и словами Тютчева о Россіи [illegible] современный нѣмецъ о современной Германіи—не германцу:

«Не поймешь и не оцѣнишь...» и т. д.

Мнѣ кажется, что на востокѣ, на западѣ въ современной Европѣ Центральной Европы не поняли, что словами ее не понять: пережить ее надо.

Такъ нѣмцу кажется.

Чтобы такъ не казалось ему, надо нашъ изучить его тылъ: хладнокровно, отчетливо, педантично; въ изученіи онъ намъ необходимо временно отказаться отъ естественно насъ волнующихъ чувствъ; хладнокровно, отчетливо, педантично надо нашъ разбить двѣ абстракціи: абстракцію сантиментальнаго философа-нѣмца, уже отошедшаго въ прошлое, и абстракцію современнаго нѣмца—экономиста-милитариста, матеріалиста и практика,—потому что оба нѣмца живутъ въ современномъ намъ нѣмцѣ, и—существуютъ въ этомъ нѣмцѣ; оба въ тылѣ, и—оба на фронтѣ современный нѣмецъ ихъ вяжетъ въ единство.

Надъ другихъ фигуръ возстаютъ въ моей памяти, ну хотя бы-вотъ—Ратенау. Удивле-